

Василий Каплин

Исповедь КОЛОНИСТА

Василий Каплин

Исповедь колониста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72389374

SelfPub; 2025

Аннотация

Первая, послереволюционная, открывшаяся детская колония привлекает в себя множество беспризорников и сирот. В их число попадает и главный герой Сергей Волчок. Его цель стать образованным человеком в новом, социалистическом, советском обществе.

Повесть начатая в 193х году, и продолжавшаяся вплоть до 1940 года, написанная моим прадедом-педагогом, писателем и вообще интересным в свое время человеком.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Василий Каплин

Исповедь колониста

Глава 1.

Впервые я увидел город. Беспреданное движение трамваев, автомобилей и извозчиков, бесконечные потоки полетному разодетых людей, звонки, свистки, сирены и постоянное зычное «берегись!» – все это так ошеломило меня, что я поминутно останавливался и спрашивал своего проводника – станичного фельдшера:

– Дядя, что это? А вон то?

Мой земляк, видимо, сам был не менее меня увлечен шумом и блеском городской жизни и потому на мои вопросы отвечал неохотно.

Разыскав какое-то большое учреждение и справив в нем свои дела, мы вышли на главную улицу. Тут я был окончательно сбит с толку. Фельдшеру пришлось взять меня за руку. В таком положении мы долго петляли по городу, пока, наконец, не нашли нужное нам здание. Это был Дом крестьянина. В большом дворе, вымощенном жженым кирпичем, мы увидели несколько ходов с дробинами и керосиновыми бочками. В тени, у стены конюшни, сидели оборванные подростки и, лихо, пуская кольца дыма, курили. Мы по-

дошли к ним.

– Вы, ребята, из колонии? – спросил проводник.

– Да, – ответили они разом, ехидно поглядывая на меня.

– Я только что видел вашего заведующего. Он направил меня к вам и сказал, чтобы вы приютили этого мальчика. Он – круглый сирота, а зовут его Сережа. Впрочем, он сам о себе расскажет.

– Что ж, мы всех принимаем, – сказал равнодушно рыжий подросток и, встав, спросил:

– А курить у вас есть, дядя?

– Нет, я не курящий, ребята – смутившись ответил проводник и затем обратился ко мне.

– Это воспитанники из Славянской трудовой колонии. Хорошие ребята. Дружи с ними. Учись. Ну, всего хорошего. Счастливо доехать! Он слабо пожал мне руку и быстро ушел.

– Дядя! – крикнул я громко, когда фельдшер выходил из ворот. Он, должно быть, слышал мой голос, но не обернулся. Спазмы душили горло. Навертывались слезы. Ноги дрожали. Я застыл на месте, недоверчиво глядя на колонистов.

И сразу началось наше знакомство.

Рыжий подросток, которого звали Королем, подошел ко мне и будто невзначай наступил мне на ногу, развязно напевая и глядя в сторону, но я не подал виду, что мне больно. Затем Король без спроса потрогал посеребренный набор са-моделкового казачьего пояса. Я глядел на него исподлобья. Мне запомнилась его нахальная, самодовольная улыбка, вес-

нушчатое лицо, облупленный нос и красные волосы на голове. Остальные ребята – их было человек пять – тоже подошли ко мне и, шушукаясь, стали осматривать меня.

Вероятно, я выглядел смешно, потому что колонисты смотрели на меня с нескрываемой иронией. Я слышал их едкие замечания:

– Нарядился казаком. Кугутенок!

– А шапка ему идет, как свинье чересседельник... Ха-ха-ха!

На мне была черная барашковая кубанка с красным верхом и синими галунами из скрученных шнурков, сиреневая рубашка, суконные, с зелеными кантами, галифе и грубые крестьянские сапоги. Это яркое «оперение» и было причиной насмешек надо мной, а вскоре и яблоком раздора среди моих новых знакомых.

Король снял с меня шапку.

– Тебе она, браток не личить – сказал он и надел ее.

Во! Яшка, ну как, похож на кубанца?

Вскоре кубанка уже была на головах колонистов, а потом снова очутилась у Короля и я потерял всякую надежду на ее обладание.

Затем колонисты приступили к осмотру моего пояса.

На нем были наконечники, звездочки, револьверчики, сабля и даже кинжал. Пояс я собирал в течение нескольких лет по частям. Как он мне был дорог! И вот все эти наконечники и револьверчики, сделанные из металлических укра-

шений уздечек, и привлекли зоркое внимание ребят.

– Слушай, браток, дай померять пояс... Отдам, тварь буду, сказал рыжий подросток, а сам уже начал расстегивать его.

Я не выдержал и с такой силой толкнул в грудь этого нахального подростка, что он, споткнувшись, упал на кирпичный пол.

– Ты што в самом деле? – спросил он, вставая и моргая.

– Бей, кугуйта! – крикнул он ребятам.

Но те одобрительно смотрели на меня.

– Не лезь, я сердитый. Я еще не так могу, – сказал я смело.

Ребята захохотали. Парень осел, не решаясь подойти.

– Жалко тебя бить, – сказал Король тихо. – Новичок. А то бы я с тобой расправился.

Ко мне подошел самый маленький колонист с косым глазом. Это был Яшка. Он шепнул мне на ухо:

– Не дрейфь, Сережка... Бери его на бога – Мы все против него...

– Слышь, ты из блатных? – спросил Король издали.

– Нет, из русских, – ответил я серьезно.

Колонисты переглянулись, засмеялись

– Воровать умеешь?

– Умею, а что?

– По какой части?

– По садовой. Бергамоты, яблоки, сливы...

– Нарви вон тех орехов, а то мы не умеем по этой части, – сказал Король, показывая на высокие деревья волоцкого оре-

ха, нависшего над конюшной с внешней стороны двора. – Сидит там чортова купчиха, как собака на цепи, и не дает нам рвать. Нарвешь, – шапку отдам. Тварь буду...

– Ладно, нарву, – сказал я радостно.

И при всеобщем ликовании я полез по дверям на крышу конюшни.

– Не засыпьяся, – предупредил Король

– Будь уверен, – ответил я

Наш, ей-богу наш брат! – крикнул кто-то, когда я ловко вскарабкался на дерево.

Так входил я в семью людей неизвестного мне рода и племени, слывших в те годы беспризорниками, но возвращенных к жизни железным Феликсом.

Через полчаса я уже угощал орехами всех колонистов. С густой макушки дерева я видел толстую хозяйку, сидевшую в зеленой беседке за чаем. Она часто поглядывала, вверх, шурясь, но меня не видела. Я набил полную пазуху орехов и потом начал бросать их ребятам. Поднялся веселый шум, крик. Это и привлекло внимание бдительной сторожки. Яшка, наблюдавший в щель конюшни за хозяйкой, крикнул громко:

– Сережка, слазь! Заметила...

– Ах вы, грабители! – крикнула женщина, действительно заметив меня. – Слезай, ирод! Милиция!

Я вмиг спрыгнул с дерева на черепичную крышу и побежал в противоположную сторону. Пока хозяйка обогнула конюшню да перелезла через забор, ребята спрятали меня

в яслях, присыпав душистыми объедками сухого сена и закрыв на замок конюшню. Я лежал, не шелохнувшись. Передо мной жевала сено слепая кобыла. Было страшно, так как кобыла могла по недосмотру отхватить мое ухо.

Между тем прибежала сторожка.

– Ах вы, ироды! Да когда вы отсюда уедете, голодранцы?!

– Но-но, хозяйюшка... Чего пасть раскрыла? Какие мы тебе голодранцы?

– А кто же вы? Приютские вы... Я вас знаю. Куда этот вор убег?

– Какой вор? Что, вы тетка, нас на бога берете?

– Открывайте сарай, вы его там спрятали...

– Пожалуйста...

Загремел замок. Двери распахнулись. Я замер.

– Можете смотреть.

– Найдешь его теперь – бурчала хозяйка.

Все ушли. У меня на душе отлегло. Я вылез из ясель. От едкого сенного запаха на меня напал чох... В щелку было видно, как в ворота вошли заведующий колонией Константин Васильевич Тарнопольский и еще кто-то с портфелем. С заведующим я был знаком, когда был в Окроно... Я хорошо его приметил и, вероятно, узнал бы его после первой встречи через много лет. Это был мужчина лет сорока пяти, низенького роста, с короткими седоватыми усами, в пенснэ. На нем был коричневый френч, маленькие в гармошку сапоги. Глаза маленькие, голубые. Шел он медленно, беспрестанно

разговаривая с человеком с портфелем.

– Ша, Костыль идет, – услышал я голос Яшки.

Ребята притихли. Хозяйка же, увидав взрослых мужчин, снова подняла крик.

– Шо случилось, мамаша? – спросил заведующий.

– Да как же, добрые люди, они среди бела дня у меня орехи оборвали.

– Вы узнали, кто рвал? – спросил он серьезно.

– Да разве их узнаешь? Все они похожи друг на друга...

– Константин Васильевич, – сказал Король. – Эта тетя ошиблась... Мы видели, как кто-то из соседских ребят побежал туда...

Константин Васильевич улыбнулся.

– Из соседских? – вдруг спросила хозяйка.

– Ну-да... Туда побежал... В ситцевой рубашке.

– Неужели это армяшкин сын?

– Он, он... Ей-богу, тетушка, он, – горячо убеждал ее Король.

– Ну, вот бачите, мамаша, – сказал заведующий, улыбаясь... – Выяснили, значит. Кто-то у вас орехи нарвал, а вы на наших хлопцев подумали. Да разве вонь у меня на воровство способны?

– А и правда, погорячилась я. Вы уж извините меня.

– Ничего, мамаша, мы люди не обидчивые, – сказал заведующий

– Ах, он, ирод проклятый! Да я ж ему покажу орехи, –

снова запричитала хозяйка, направляясь к «армянькиному сыну»

Я облегченно вздохнул. «Гроза миновала», – подумал я.

Едва только сторожка ушла, Константин Васильевич отрекомендовал ребятам пришедшего человека. Он был главным инспектором Окроно. Инспектор, видимо боялся колонистов и стоял от них на почтительном расстоянии, крепко прижимая портфель подмышкой. Король незаметно заходил к нему сзади и зорко смотрел в его открытые карманы. Ребята же нарочно напирали спереди, пытаясь заговорить с ним.

– Не приходили сюда ребята? – спросил заведующий.

– Какие?

– Новички. Только что из под стражи взял. Семь человек.

– Нет, не приходили.

Заведующий не спеша закурил папиросу, потом пристально посмотрел на шапку-кубанку, в которой ходил Король.

– Ну, хлопцы угощайте орехами, – сказал он.

– Так мы ж не рвали, Константин Васильевич, – сказал

Яшка.

– Знаю шо не вы, а новичок Сергей Волчок.

Меня от этих слов покорило. Ребята переглянулись.

– И откуда вы все это знаете, Константин Васильевич?

– Знаю... Даже представляю как вы у него кубанку отнимали. Не били? Говорите правду.

– Н-нет, – ответил Яшка.

– Ну, вот бачите. Куды ж вы его спрятали? В конюшню?

И, обращаясь к инспектору, подморгнул:

– Чистая работа... Як спартанцы...

– От вас, наверно, Константин Васильевич, ничего не утаишь...

Я видел, как Король медленно вытащил двумя пальцами из кармана инспектора небольшой плоский кошелек и отошел к ребятам, весь сияя. «Вот это вор», – подумал я.

В конюшню зашел Яшка и, горячо дыша, шепнул мне на ухо:

– Сережка, засыпались мы... Не выдавай нас, а то ребята тебе устроят «темную». Давай объедки выбирать, может, Костыль не так сердиться будет...

И мы начали работать...

– Куда орехи спрятал? – спросил он.

– В ясли...

– Чудак-человек там их кобыла может поесть...

И вот в конюшню вошли все. Заведующий, увидав меня, ехидно улыбнулся.

– Ну, як, Сережа, сладкие орехи? – спросил он.

– Да я всего пять штук, Константин Васильевич... Не раскушал...

– Другой раз замечу, – запишу в дневник... А пока прощаю... Новичок...

– Я больше не буду...

– О це, Варфоломей Варфоломеевич, наша знаменитая Фисгармония, – сказал заведующий, показывая на слепую

кобылу. – С этой коняки мы начинали наше хозяйство. Была она у нас одна, а теперь – 95, да два трактора. Первых два трактора на Кубани!

– Скажите, почему вы ей дали такое имя?

– Потому шо колы вона идя, то на целую версту рыпыть, як Фисгармония...

Инспектор захохотал.

– Вы знаете, Варфоломей Варфоломеевич, в Наркомпросе мне из-за нее ходу не дают. Як туда приду, там и спрашивают: «Шо у тебя там, товарищ Тарнопольский, за Фисгармония? У нас уже про нее анекдоты ходят?»

Вдруг инспектор посерьезнел. Он начал усиленно шарить в карманах. Худошавое лицо его побледнело. Он уже не слушал объяснений заведующего. Король подошел ко мне и взял вилки-двойчатки.

– Шо с вами, Варфоломей Варфоломеевич? – тревожно спросил Костыль.

– Да понимаете, Константин Васильевич, прямо не могу понять... Недавно лежал в кармане кошелек, а теперь нет... Там и денег кот наплакал, но документы, документы...

Костыль испытующе посмотрел на всех нас, а на Короля особенно.

– Может, хлопци, кто из вас находил кошелек, або по ошибке в чужой карман залез? – спросил он.

Я решил воспользоваться сложившейся ситуацией и подошел к Королю.

– Я все видел, – шепнул я

– Тсс... Молчи...

– Отдай шапку – не скажу...

– На, чортов кугут, – так я вернул кубанку.

Никто, конечно, не признался.

– А может, вы, Варфоломей Варфоломеевич, его дома за-
были? – спросил Костыль. – Знаете, со мной тоже так было...

– Не стоит беспокоиться, Константин Васильевич. Пустя-
ки... Документы всегда подкинут...

Осмотр лошадей продолжался.

Костыль повел инспектора к рысаку. Это была знаменитая кобыла «Галина», взявшая первый приз на Кубани в забеге на пять километров. Она стояла в отдельном станке и ела овес. Огромного роста, вороная, с белыми бабками и пятнистым храпом, «Галина» привела грустного инспектора в восторг.

– Что за красавица! Что за лошадь! – говорил он.

Я видел, как Король сунул кошелек инспектору в нижний боковой карман костюма и ушел от него, неся вилами сено. Варфоломей Варфоломеевич в момент восторга полез в карман и вдруг еще более восхитился:

– Что за чудеса! Да ведь кошелек-то у меня, оказывается...

– Что вы говорите? – удивился Костыль, и улыбнулся.

– Вы уж извините меня, ребята, что подумал о вас так нехорошо – сказал инспектор... – Как оно получилось и сам

не знаю. Прямо ума не приложу...

– Ну, вот бачите, – сказал торжествующе Костыль. Я же казав, шо мои хлопцы на воровство не способны. Ловко «подкинули»!

Инспектор догадавшись, что вся эта история с кошельком – дело ловких рук воспитанников стал более бдительным и теперь значительно больше внимания уделял охране собственного портфеля, нежели прекрасным животным колонии, осматривать которых он специально сегодня соизволил. Судя по всему, в портфеле инспектора была внушительная сумма, и это обстоятельство не могло не беспокоить впечатлительного Короля. Но, наученный горьким опытом, инспектор уже не восхищался, а только с опаской поглядывал на нас всех. Когда же осмотр закончился, во двор вдруг ввалилась новая группа колонистов. Впереди всех шел чеченец. Смуглое лицо, большие черные волосы, большой горбатый нос, десятка два шрамов на крутом лбу и черные, орлиные глаза – таков был его портрет. Рядом с ним, едва поспевая, шел грузный парень лет двадцати. Лица новых колонистов были красные и потные.

– Благополучно прибыли, Константин Васильевич. – отпартовал чеченец за всех.

– Молодцы, хлопцы. Як баня?

– Красота!

– Ну вот, немного преобразились. А шо были як трубочисты. Теперь вас треба покормить.

– Да, пошамать бы не мешало, – сказал грузный парень.

– Не шамать, Фомин, а есть, – поправил Костыль. – Блатные слова, товарищи, надо забывать. Кто из вас грамотный?

– Вот он, – чеченец указал на Фомина.

– Вот шо, Фомин. Даю тебе чек на триста рублей. Поедешь в банк и получишь деньги. Надо же вас одеть. Банк, я думаю, вы знаете, где находится, – он улыбнулся в усы и отдал розовый чек. – А тебе, Гассан, – обратился он к чеченцу, – даю двадцать рублей... Накормишь всех ребят, а вечером поведешь их в кино.

Инспектор съезился. Он что-то шептал на ухо заведующему... И хотя слов его не было слышно, но мы все поняли, что Варфоломей Варфоломеевич сомневался в том, что новые колонисты, взятые из под стражи, получив деньги, вернуться в колонию.

– Придут, – сказал заведующий серьезно. – Я горячо убежден в этом.

Ребята ушли. Вскоре ушел и инспектор. Король томными глазами смотрел на его портфель.

– А чего приходил этот инспектор, Константин Васильевич? – спросил он.

– На Фисгармонию подывыться...

– Вот инспектор! На лошадей любитесь, а с людьми даже и не поговорил... Такого и обокрасть не жалко...

...Вечером мы пошли в кино. На улицах народу – не пройдешь. Везде – свет. Город жил полной, счастливой жизнью.

Что такое кино, я совершенно не представлял. И когда на экране показался бегущий экспресс, я уцепился за Яшку и закричал:

– Бежим отсюда, а то зарежет!

Ребята поняли это как шутку и тихо засмеялись. Я же, помню, пережил эту сцену так, что и до сих пор не забуду.

На другой день все колонисты, набрав керосину для тракторов (а что такое трактор я тоже не знал), поехали в Славянскую. На вороном русаке, запряженном в кабриолет, пронесся Костыль. Правил рысаком Яшка. В нашем же обозе за главного были чеченец Гассан и его друг Фома Фомин. Вернулись таки ребята!

Мы ехали в колонию точно не зная, что нас там ожидает.

Примечание к части

Если сильно понравится, то выложу вторую главу

Глава 2

Стояли жаркие августовские дни. Крестьяне молотили хлеб. В воздухе – тучи пыли. День и ночь, то там, то здесь монотонно жужжали соломотрясы молотилок. Близ станиц, на токах, зачастили скирды сбойны и соломы. А на полях раскинулась желтеющая стерня, усеянная рядами копн. Кое-где, на перепутьи, встречались мажары ядреных арбузов. Шумными ватажками бежали казачья детвора.

– Дядя дай кавуна!

– У тебя банька нема!

Дорога шла над Кубанью. Извилистая здесь река! Точно табунное лассо, крутится она вокруг станиц. Утопают хутора, да богатые станицы в высокой многолистной акации. Много растет пирамидальных тополей. Но еще больше – садов. Из-за них не видно ни бедняцких мазанок, ни богатых казачьих, крытых цинком, домов. Выбегали на пыльную дорогу длиннохвостые тушканчики, садящиеся на кочковатую обочину и, почесав лапками носики, скрываются в кукурузе. Иногда перебегал трусливый заяц, прыгал, будто подбитый, по черному нару. В синем мареве проплывает тяжело-весные дудаки. В знойный день с утра до вечера поют в воздухе неугомонные жаворонки.

Хороша Кубанская равнина летом. Домотканым цветастым рядом раскинулась она на сотни километров. Схо-

дится горизонт у высоких курганов, крошечным становится небо в глубоких балках, а минешь их – и снова степь ровная да широкая. Едешь по ней, любишься, и кажется, нет в мире краше и лучше Кубанского края!

Мы ехали на трех подводах. Железные бочки так сильно накалились, что сидеть близ них было невозможно. Поэтому большую часть времени мы шли пешком по пыльной дороге. В густом Красном лесу наш обоз сделал первую остановку. Мы уже успели присмотреться друг к другу, привыкнуть. Фомин стал нашим другом и признанным руководителем. Был он скромным, немногословным и твердым. Гассана же мы с первого дня боялись. Властный, суровый и быстрый в решениях, он скоро запугал нас своими грубыми манерами. Король, слывший до этого времени среди колонистов "богом", вдруг притих и даже стал заискивать передо мной.

В лесу разожгли костер, общими силами наварили картошки. Гассан, строго глядя на Короля, спросил его:

– Это ж кто тебе дал королевское звание? Небось, сам?

Король молчал. Это рассердило чеченца.

– А вот я не имею никакого звания, а могу тобой командовать, хотя ты и Король. А ну сходи в лес за дровами!

– Я у тебя не работник..

– Што?! – вспыхнул чеченец и встал. – Живо!

Фомин, наблюдавший за Гассаном, улыбнулся. Мы, малыши, трепетали. Король противился.

– Ах ты, гад рыжий! Ты еще будешь сопротивляться? Ду-

маешь, в колонии не будет никого выше тебя?

Гассан схватил Короля поперек туловища, мигом опрокинул его на траву и сделал ему "салазки" т.е пригнул ступни ко лбу...

– Ой, пусти Гассан!

– Пойдешь, гад?

– Брось, Володя, – сказал Фомин. – Ну что ты с "меньшевиками" связался?

Король нехотя ушел за дровами. Теперь подошла моя очередь.

– Дай казак, померять пояс – сказал он.

Я, отдал не только пояс, но и кубанку, хотя тот ее не просил, беспрекословно. Он померял их и, возвращая, сказал:

– Не налазит... А жаль... Возьми да никому не отдавай. А если кто возьмет, скажешь мне...

Я был несказанно рад, что так легко отделался от этого страшного человека.

На четвертые сутки, к вечеру, мы переехали понтонный мост через Протоку и въехали в станицу Славянскую. Станица была большая. Недалеко от моста расположилась пристань. На причалах стояли речные пароходы, баржи. По мостовой широкой улицы сновали автомобили, и тут же прошла с мычанием череда. У большого базара шумно разговаривали подвыпившие казаки. Тяжело пыхла электростанция, улицы залились ярким светом. Наряженные казачки бродили по асфальтовому тротуару, лузгая "насинья".

Проехав два квартала, мы завернули в переулок. Я заметил издали красивые, с цементовой облицовкой, дома и почему-то подумал, что это и есть колония. Лошади заржали и сами вошли в открытые железные ворота. Мои предсказания оправдались: дома принадлежали колонии.

Я представил, что сейчас выбежит орава озорных ребят, окружит нас и начнет осматривать. Но ничего подобного не было. Нас встретил Константин Васильевич, Яшка и пожилая кухарка Эмилия Трофимовна.

– Ну як, хлопцы, ехали? – спросил Костыль.

– Ничего. Только пылюка заела – ответил Гассан.

– Идите на кухню, поужинаете, а потом поедете на ферму..

– Как вы долго ехали – сказал мне Яшка. – А мы на своем рысаке это же расстояние пробежали за шесть часов... Я уже на ферме два дня прожил!

После вкусного ужина заведующий позвал к себе в кабинет Короля.

– Зачем это он его? – спросил я Яшку.

– Духу давить..

– За что?

– За воровство. Ты думаешь, Костыль забыл, как он инспектора обокрал?

– А разве он знал, что это сделал Король?

– Эх, Сережка, ты еще не знаешь нашего Костыля... Это не человек, а сыщик какой-то... Еще ты только что надумаешь сделать, а он уже все знает... Уже ехидно улыбается и

спрашивает: "Ну, шо?"

– Яшка, а чего его Костылем зовут?

– Чего? А так... Это вместо "Константин Васильевич"...Сокращенно... Гляди, Король вышел от него, плачет...

– Бил?

– Что ты! Словами бил... Вот попадешься ты когда-нибудь к нему..."А ну стань, як следует, да посмотри мне в глаза"-сказал. Душа в пятки входит, как к нему идти... Лучше бы на расстрел... А отругает и тебе легче станет...

– Эй вы, пацаны, поехали! – крикнул кто-то.

– Поехали на ферму!

Обоз снова тронулся.

Ферма – бывшее имение помещика Крыжановского. Расположена она в трех километрах от станицы близ реки. Ферма имела четырехугольную форму: с трех сторон – хозяйственные постройки – конюшни, склады, сараи, гаражи. Перед въездом – большое здание. Это резиденция агронома – заведующего фермой. А в самом центре – большое общежитие колонистов. Сбоку фермы тянулись тучные сады.

Наступившая ночь сделала наш въезд незаметным. Еще никто не ложился спать. Воспитанники – маленькие и большие – играли на дворе в чехарду. Пели, кричали, смеялись.

– Пацаны, наши с Краснодара приехали! – крикнул кто-то в сумеречной темноте.

– Новичков привезли!

– Братва, сюда!

Нас окружили, не дав даже распрячь лошадей. Перед нашими глазами засверкали спички. Зажгли факела, принесли с конюшни фонари. Один малыш присматривал Гассану брови... Тот, громко выругавшись, ударил малыша носком сапога в живот.

– Ой, страшный какой!

– Пацаны, убегай – азията привезли!

Кое-кто трухнул, побросав и спички и факела. Я, вероятно, произвел приятное впечатление.

– Слышь, казак, идем к нам спать... Прямо на дворе... Законно! Закурить у тебя есть?

Вскоре однако, товарищи, приглашавшие меня, разочаровались во мне: я был некурящий.

– Что ты за колонист? Наверно, не рыба ни мясо?

В эту ночь все сто шестьдесят колонистов не могли уснуть. Уже прозвенел звонок – время спать, а на ферме слышны были горячие споры. Кто прибыл в колонию, что за люди – это далеко не безразлично для каждого колониста. Пришлось главному агроному – Григорию Трифоновичу успокаивать ребят.

– Спите уже... Завтра все узнаете...

– Да, с ними приехал какой-то горец... Куда вы его положили? Еще обокрадет...

– Не бойтесь... Я его поселил к себе в кабинет.

– Вот страшный! Я это чирк ему под нос, он мне носком

прямо под селезенку... А глаза у него, как фонари.. Держись, пацаны, надает он нам масликов!

Раннее утро. Сладкий последорожный сон кажется чудесной сказкой. Не хочется даже открыть веки, хотя солнце бьет прямо в глаза.

Слышен колокольный звон. Сначала тихий, потом все громче и громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.